

ЛЁХА

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

ИГОРЬ РОДИОНОВ
Писатель, инженер и программист. Нандидат технических наук. Член Союза детских и юношеских писателей. Родился в 1981 году в небольшом городке в Ленинградской области. С отличием окончил Санкт-Петербургский университет теленоммуниций.

Автор серии повестей «Дневник Батарейнина», а также сборников рассказов для детей и взрослых. Лауреат национальной литературной премии «Рукопись года — 2021». Выпускник литературных курсов «Мастер текста» (при издательстве «Астрель-СПб»).

Санкт-Петербург – Кингисепп, 2001 год.

Надя подышала на покрытое инеем стекло, протаивая специально для себя маленькое окошко, и прильнула к нему. Отвернулась от всех, пытаясь сквозь налипшую снаружи грязь разглядеть, где они едут.

Автобус наконец протолкался через городские перекрестки и ускорился. Позади остались присыпанные снегом гигантские отвалы рыжего песка с застывшей рядом дорожной техникой – будущая кольцевая дорога.

Мимо пронеслись грязно-серые сугробы. За ними – стена заснеженных деревьев, изредка прерываемая крохотными деревушками из нескольких домов. Покосившиеся дощатые заборы. Старые шиферные крыши, придавленные пухлыми белыми шапками.

Салон оказался заполненным. Не совсем под завязку забит, но свободных сидячих мест не осталось. Многие пассажиры стояли в проходе, ухватившись за поручни.

– Еще говорят, после Нового года крупа опять подорожает. И сахар, – вздохнула старушка в соседнем ряду, продолжая начатый еще на улице разговор. – Как жить-то будем, Славка?

– А? Что? – глуховато переспросил сидящий рядом с ней дедок в нелепой шапке-петушке.

«Наша музыка! Наше радио!..» – еле слышно донеслось из кабины водителя, отгороженной от

пассажиров глухой стенкой из ламинированной фанеры и прозрачного пластика.

Рядом с Надей уселся пацан-старшеклассник. Тощий какой-то, прямо дистрофичного вида. На сдвоенном сиденье напротив – мужичонки непонятного возраста. Первым делом они оба масляно пробежались по Надиной фигурке – от коленок в теплых колготках до холмиков груди под тонким пальтишком.

Надя поехала, поджала ноги и снова отвернулась к окну. И вновь тревога заняла в груди. Димка – он хороший, конечно. И живут они вместе уже целый год. Как раз в прошлом декабре познакомились. Он хороший и добрый парень, но...

Но другой шанс, может, и не выпадет. Как только Надя узнала, что сегодня Димка в Москву на конференцию уедет, а вернется лишь завтра утром, так сразу все спланировала. Все одно к одному сошлось!

Вариантов в интернете оказалось сразу очень много. Надя даже не ожидала, что настолько много. Не вступая в лишние переписки, прямо с утра позвонила и обо всем договорилась. Димка хоть и наивный, но наблюдательный, и он не должен ни о чем догадаться. Поэтому историю браузера в компьютере Надя почистила несколько раз подряд. И номер из телефона своего сотрет. Потом сотрет. А еще нужно будет...

Мужичонки, сидящие напротив, завозились. Разные, но при этом чем-то похожие друг на друга. Замызганные куртки. Резкие морщины на, в общем-то, не старых лицах. Впалые щеки. Мутные, будто снулые глаза. И запах – густая смесь лука, заношенной одежды, перегара и давно не чистенных зубов. Тот, который сидел ближе к проходу, вставил в рот папиросу и теперь настырно чиркал зажигалкой, такой же замызганной, как и он сам. Выбил огонек, затянулся глубоко. Сощурился, собрав морщины в подобие довольной улыбки.

– А че, ништяк, Хриплый! – одобрительно захихикал второй, тоже выковыривая папиросу из мятой пачки «Примы».

По салону поплыл тошный запах дешевого табака.

– Это что же такое делается! И так дышать нечем! Товарищ водитель! – запричитала старушка из соседнего ряда.

– А? – глуховато переспросил сидящий рядом с ней дедок, моргая воспаленными глазами.

– Ша, старая! Раскаркалась тут!

Вот только этого не хватало! Надя вжалась в спинку, отвернувшись к окну. Что, если сейчас скандал начнется? Или автобус задержится и она опоздает? Или, еще хуже, у кого-нибудь с собой фотоаппарат окажется и снимок потом где-нибудь в интернете выложат? А Димка увидит ее и поинтересуется, зачем это она в Кингисепп ездила.

Это ведь даже не ближний пригород Питера. Со всем не ближний. Надя специально выбрала вариант, чтобы точно никаких знакомых не встретить.

– К-кхм. Я извиняюсь, – робко промямлил пацан рядом, – вы не могли бы перестать?

Не сговариваясь, оба пассажира напротив загоготали, обнажив грязные зубы.

– Не сцы, паря. Ша докурим, – снисходительно кивнул мужичок возле окна, выпуская вверх дым и ошериваясь, – и перестанем.

– А ты чего это, шкет, возбухать решил? Уважаемым людям отдыхать мешаешь? – надтреснутым голосом вдруг спросил первый, резко стирая улыбку с лица.

– Товарищ водитель! – снова выкрикнула старушка.

«Большие города... Пустые поезда...» – доносилась музыка из кабины водителя.

– Да ладно-ладно, ничего. Пусть уж. Сейчас вот будет остановка, там всегда половина народа выходит, – успокаивающе забормотала тучная женщина, сидящая позади старушки, – сразу полегче дышать станет.

Краем глаза Надя заметила, что в проходе между рядами началось какое-то движение. К ним протолкался еще один мужчина, совсем другой. На вид лет сорок. Крепкий, хмурый, лысый. Добротные коричневые ботинки, джинсы, короткое черное полупальто. На шее – желто-коричневый шарф в шахматную клетку.

Спокойно приблизившись к хриплому, мужчина резко схватил того за шиворот, приподнял с места и с силой врезал лбом о вертикальную стойку поручня.

– Пошли вон отсюда!

Ботинком наступил на выпавшую папиросу, вдавливая ее в серую жижу из снега и грязи на полу.

– Вон!

Мужичонки потупились, вжали головы в плечи и засуетились, молча пробираясь к выходу. На лбу Хриплого отчетливо наливалась красным ровная прямая ссадина. Второй нервно крутил в руках зажженную папиросу, не зная, куда ее пристроить.

Автобус замедлил ход. Остановился. Распахнул двери, выпуская куцых мужичков, некоторых прочих пассажиров и заполняя салон чистым морозным воздухом.

Мужчина в полупальто невозмутимо уселся на освободившееся сиденье. Слегка покрутил головой, разминая мышцы. Достал из кармана небольшую книгу в мягкой обложке.

– Ох, дай бог тебе здоровья, сынок! – сказала все та же бойкая старушка, но мужчина никак не отреагировал на ее слова, уже полностью погрузившись в чтение.

Надя почувствовала, что пацан, сидящий рядом, напрягся. Слегка заерзал, словно собираясь с духом... Неожиданно заиграла мягкая полифоническая мелодия. «Эдвард Григ, “В пещере горного короля”» – сразу узнала Надя. Мужчина достал из кармана какой-то навороченный телефон с ярким цветным экраном. Прижал к уху.

– Слушаю.

Уверенный и спокойный драматический баритон. Такие голоса Наде всегда нравились.

– Михаил Юрьевич, сейчас опять звонили финские партнеры, – тихо, но отчетливо застрекотал в трубке женский голосок, – они просят именно сегодня договор подписать, а то завтра ведь у них там Рождество. Очень просят.

– Так, Яночка, стоп! Я им предлагал еще на прошлой неделе. А они артачились и столько времени зря потеряли. А сегодня я занят, я всех

заранее предупредил. Я еду к Лёхе. К Алексею Юрьевичу, то есть.

- Но Михаил Юрьевич...
- Яночка, ты не поняла? Сегодня я еду к Лёхе! Все, отбой.

Нахмурившись, Михаил Юрьевич вдавил боковую кнопку и выключил телефон. Экран вспыхнул короткой анимацией и погас.

Надя отметила – руки сильные, натруженные, но при этом чистые и аккуратные. И вновь от-вернулась к окну. А если Димка все-таки узнает?

- Кхм... А здорово вы их! Прямо как Данила Багров! А я как раз недавно кассету с «Брат-2» себе купил! – выпалил пацан, набравшись смелости. – Надо будет еще раз посмотреть на выходных.

Мужчина взглянул на него. Глаза стальные. Взгляд требовательный, жесткий. Неожиданно усмехнулся.

- «Я извиняюсь», – проблеял он, явно пародируя пацана, – за что, мне интересно?
- Как это? – не понял пацан.
- Ты сказал: «Я извиняюсь». Вот я и спрашиваю – за что ты «извинял себя» перед этими хануриками?
- Ну, это так... Я просто хотел объяснить, что...
- Тебя как звать? – резко перебил его Михаил Юрьевич.
- Коля.
- Запомни на всю жизнь, Коля: у плесени нет мозгов. Объяснять и рассказывать – бесполезно.
- Но как же? – Похоже, пацан окончательно поборол робость, и теперь его голос звучал уже не так зажато. – Я ведь все говорил по справедливости, а они были не правы. А сила – в правде! Разве не так?
- Не так!

Михаил Юрьевич взглянул на номер страницы, закрыл книгу, а затем еще раз внимательно посмотрел на пацана.

- Ты сам-то хоть понимаешь? Твой Данила сначала говорит, что «сила в правде», а потом берет пистолет и валит всех подряд. Ты не улавливаешь здесь некоторое противоречие?
- А в чем же тогда сила? В деньгах?

Надя тихо хмыкнула. Сейчас начнется нраво-учение, что не в деньгах счастье. Деньги – вот чего никогда не было в Надиной жизни. И сейчас, успешно доучившись до третьего курса консерватории, она особенно остро осознала, что и не было и никогда не будет.

- Нет, – покачал головой Михаил, – но деньги важны, конечно. Зачастую очень важны. День-

ги – это отчеканенная свобода. В максимально широком понимании этого слова.

Автобус снова остановился, выпуская оче-редных пассажиров. Надя, отвернувшись к окну, невольно прислушивалась к разговору, лишь бы только не позволить тягучим мыслям снова раз-гуляться в голове. Страшно. И Димка, хоть и доб-рый, но ведь никогда не простит, если узнает. Он ведь хороший. Он ведь такой дурачок наивный, ее Димка...

- Так в чем же? В чем сила?
- В тебе. Во мне. В каждом человеке.
- Во мне?
- Да. Другой вопрос, почему почти никто этой силой не пользуется.
- И почему?

«Все так сложно, все так просто!.. Мы ушли в отрытый космос...» – надрывался в кабине води-теля новый трек.

Михаил Юрьевич нахмурился, помолчал немно-го. Задумался, словно с трудом подбирая пра-вильные слова.

- Наверняка ты слышал про людей, которые вне-запно полностью изменились. Всю свою жизнь круто повернули. Или добились того, что рань-ше казалось абсолютно невозможным. Вот это и есть проявление внутренней силы. Но чтобы ей воспользоваться, нужна искра.
- Искра? И где ее брать?

Михаил Юрьевич снова помолчал, обдумывая ответ. Потом продолжил:

- Кто-то находит ее в религии. Но это такая, тлеющая искра, я бы сказал. Кто-то – в нена-висти. И потом сгорает вместе с ней. Кто-то нигде не находит и тупо плывет по жизни, пока не утонет. Но есть один универсальный способ, как эту искру найти. У каждого – свой, и при этом единый для всех.
- И что же это такое? – Пацан даже подался впе-ред, нервно сцепив худые пальцы. – Что за спо-соб?
- Любовь! – ответил Михаил и затем повторил по слогам: – Лю-бовь... Опять же, в максимально широком понимании.
- Но как...
- Да так! Кто не побоялся впустить любовь в свою жизнь, тот получает поистине бешеную силу. Поэтому и говорят, что она окрыляет. Вообще, если вдуматься, то все, чего добилось челове-чество, все так или иначе сделано благодаря любви. Любви к женщине. Любви к детям. Любви к своей мечте. Ну и так далее.

- Я... Я не очень понимаю.
- Поймешь еще! Лёха, брательник мой, лучше все объяснить сумел бы. Это его теория. А я уж как смог – так растолковал. Своими словами.

Михаил Юрьевич вышел из автобуса на окраине Кингисеппа. А Надя доехала до конечной.

Едва распахнулись двери, как тощий школьник Коля выскочил самый первый, закинул на плечо потрепанную сумку с учебниками и сразу куда-то устремился быстрым шагом.

Возле автовокзала Надя присела на скамеечку, раскидав перчаткой легкий снежок, припорошивший гладкие белые доски. Глубоко вдохнула свежий воздух. Посмотрела на небо – хоть и пасмурное, но непривычно светлое и высокое-высокое. Достала из сумочки телефон. Конечно, совсем не такой, как у этого Михаила Юрьевича. Черно-белый «Сименс» с оранжевой подсветкой экрана и резко пиликающей мелодией. Даже встроенного вибровывоза нет. Хотя совсем недешевое удовольствие, между прочим. Надя знает, потому что потом в магазине ценник посмотрела. Этот телефон Димка ей в сентябре на день рождения подарил.

Вечно все в эти деньги упирается! Димка – аспирант в Политехе. У них вдвоем суммарная стипендия – тридцать семь долларов. Оба загружены так, что ни о какой подработке не может быть и речи. И как быть?

«Мы ведь потерпим, Надюш? У меня сейчас самый трудный год будет, самый ответственный в жизни. А потом – сразу легче. Мне бы только исследования закончить вовремя и расчеты успеть подтвердить, иначе все зря! Иначе обгонят меня, я точно знаю!» – недавно сказал ей Димка.

А если не может она терпеть? Никак не может!

В магазинчике возле автовокзала, торгующего всякой всячиной, сделали музыку погромче, привлекая внимание прохожих. Эту песню последнее время кругом крутят: «С Новым годом, крошка! С Новым годом, хэ-э-эй!»

Вспомнились рассуждения про силу и любовь, подслушанные в автобусе. Интересно, а Димка по-настоящему ее любит? И дает ли ему эта любовь какую-то специальную силу?

Когда они впервые встретились, то сначала он долго-долго смотрел на Надю, а потом удивленно спросил, почему вокруг нее воздух светится. Надя тогда лишь рассмеялась над этим симпатичным всклокоченным парнем, который словно не от мира сего. А потом взгляделась в его глаза – умные, добрые и восторженные. И поняла,

что таким взглядом на нее никто и никогда еще не смотрел.

Именно после знакомства с ней Димка придумал что-то там про свои углеродные нанотрубки и сверхпроводимость. И все у него сразу стало с диссертацией получаться. Значит, обрел он ту самую искру? Значит, любит? Выходит, так.

А она его? Надя вздохнула. Зябка повела плечами. Время. Пора идти.

- Славка, а на что нам эта крупа сдалась? Переживем, и не такое переживали! – сказала бойкая старушка, крепко удерживая под локоть дедка в нелепой шапочке-петушке. – Давай лучше пройдемся до нашей скамейки. До той самой, в парке. Погода-то какая чудная сегодня! Воздух какой!

Дедок тяжело опирался на палочку и подслеповато моргал воспаленными глазами, беспомощно озираясь по сторонам.

- А? – глуховато спросил он. – До парка? Да?
- Давно с тобой там не гуляли... Сколько лет уже прошло?
- А?..
- Эх, Славка-Славка. Люблю я тебя, окаянного!
- Да? Так и я тебя!.. Всю жизнь люблю!
- Вот пень старый! – рассмеялась старушка, еще крепче ухватывая деда под руку и прижимаясь к нему. – То глухой-глухой, а то сразу все слышит!
- Конечно, люблю! И помню все! И весну нашу, и госпиталь. Куда же я без тебя?
- Ладно, герой, пошли уже потихоньку!..
- А? Что?

Сумка брошена в углу. Учебники – аккуратной стопкой на столе.

Пять! Шесть! Семь!..

Последний раз Коля отжимался в пятом классе. Все последующие годы мама, волнуясь за свое болезненное чадо, делала для него освобождение от физкультуры.

Локти уже дрожали. А вмиг задубевшие тощие бицепсы казались будто плотным песком набиты. Ну и пусть.

Где-то в кладовке Коля видел старые гантели, оставшиеся от отца. Завтра же достанет. И потом все распланирует: и питание, и нагрузки, и режим отдыха. Все по науке.

Восемь... Девять...

До десятки не дотянул. Локти подогнулись, и Коля рухнул на старый протертый ковер. Поле-

жал, тяжело дыша. Сегодня не дотянул, а завтра – дотянет.

Нет, он не собирается становиться намасленным бодибилдером или мастером единоборств. Это ему ни к чему. Но он так устал, что его никогда не воспринимают всерьез. Что над любыми его словами всегда смеются. Теперь все будет иначе.

Вон, над Михаилом Юрьевичем никто не смеялся. Никому бы и в голову не пришло. Ни-ко-му!

Презрение к качкам, которые «тупые и еще раз тупые», взлелеянное мамой, испарилось в один миг. А робкий интерес понять людей, изучить их психологию и характеры превратился в устойчивое желание. В мечту.

Лёха улыбается. На щеках – небольшие ямочки. Волосы решительно и слегка небрежно зачесаны назад, открывая высокий лоб. Взгляд внимательный и приветливый.

– Вот так мы и живем! – Расхаживающий туда-сюда Михаил энергично рубанул рукой воздух, заканчивая свой рассказ.

Потом вспомнил, спохватился, полез в карман:
– Чуть не забыл! Я же твою любимую «Коровку» принес! Настоящие, сливочные.

Смахнул пушистый снег, высыпал на маленький столик конфеты в ярких фантиках. Вздохнул тяжело. Спросил дрогнувшим голосом:

– Знаешь, Лёха, что меня гнетет? О чем я каждый день думаю? Я все понять не могу – почему все так? Где справедливость?

Подожел ближе. Упал коленями в сугроб. Обхватил руками ледяную гранитную плиту. Прижался лбом.

– Я ведь теперь понимаю, как тебе досталось от этой жизни. Никто не смог бы выдержать. А ты смог. И меня на ноги поставил. Как самый лучший в мире отец для меня был. Почему же ты своих детей оставить не успел? Почему ты ушел, а не я? Скажи! Зачем я остался?

Ничего не ответил Лёха. Все так же улыбался. Все так же смотрел – внимательно и приветливо.

В полной тишине с высокого неба медленно падали редкие снежинки. Мягко опускались на старый холмик. На гранитный памятник с давно потемневшими датами. На плечи сжавшегося на земле сильного мужчины в дорогом полупальто.

– Я-то... здесь... зачем?..

Мимо Нади по утопанной снежной дорожке прошла красивая молодая женщина. Длинные черные волосы. Ухоженные, блестящие. Белая шапка с пом-

поном. За веревочку женщина везла санки, на которых важно сидел раздумавшийся карапуз в голубом комбинезоне. Маленькими ручками в теплых варежках карапуз крепко сжимал пушистую сосновую ветку с примерзшими ледяными бусинками.

Солнце наконец пробилось сквозь тонкую плену облаков. Прозрачные бусинки сразу же заиграли, заискрились разными цветами. Карапуз заливисто расхохотался, глядя на чудо в своих руках. И проехал дальше.

Надя медленно встала со скамейки. Губы ее дрожали. А внутри – прямо под сердцем – что-то тонко трепетало. Димка, дурачок наивный! Если бы он только знал, как она любит его. Да, по-настоящему любит!

Его. И не только!

Впервые осознав эту мысль, Надя абсолютно точно ощутила, как по телу пробежала теплая волна. Волна спокойствия, безопасности и уверенности. Почти как в детстве, когда мама поправляла сбившееся одеяло и аккуратно гладила по голове.

Получается, прав оказался этот Михаил Юрьевич из автобуса? Неужели это все так работает?

Она не создаст для Димки проблем в этот самый ответственный для него год. Пусть он спокойно занимается своей наукой, пусть придумывает свои изобретения. Лишь бы только его взгляд восторженный никогда не потерял свою искру. Лишь бы только он по-прежнему видел, будто вокруг нее светится воздух.

Почему вообще она решила, что для Димки это станет проблемой? Она же не собирается перекладывать на него все свои заботы. Она и сама справится, если что! Разве же это проблема? Может, все даже наоборот?

Достала телефон. Выбрала верхний номер из списка последних звонков. Вдавила кнопку вызова. Гудок. Еще гудок.

– Алло. Моя фамилия Карева. Надежда Карева. Я сегодня в вашей клинике записана на аборт. Я хочу отменить запись. Да, я уверена. Да, прощайте! Прощайте!

Решительно смахнула слезинку. Очистила список вызовов. Огляделась. Когда будет автобус обратно? Скорей бы!

На фонарном столбе неподалеку трепетала какая-то бумажка. Наполовину отклеилась уже. Надя машинально взглянула: «Требуется репетитор по фортепиано. Срочно!»

А почему такая простая мысль не пришла ей в голову раньше? Она ведь обожает музыку. Она

с радостью поможет другим понять и полюбить ее. Сейчас сдаст зимнюю сессию, а потом возьмет академку на год. До лета поработает репетитором. За это время вполне сможет подкопить, чтобы первое время малышу всего хватало. А потом – видно будет.

«...Хэ-э-эй! Подожди немножко, будет веселей! С Новым годом, крошка!..»

На обратном пути Надя снова глядела в замерзшее окно. Яркий, но короткий зимний день сменился чистыми темно-синими сумерками. Опять за стеклом пролетали белые сугробы и редкие деревеньки. В некоторых домиках уютно светились желтые окошки. Кто-то даже украсил крылечко разноцветными гирляндами. А дым из печных труб стелился под лунным светом, словно пуховое одеяло.

Надя улыбалась. В магазинчике рядом с автовокзалом она купила для Димки подарок – желто-коричневый шарф в крупную шахматную клетку. Теперь будет что под елочку положить. А после боя курантов она ему расскажет свой секрет. И обнимет крепко-крепко. Спрячет лицо в его мягкой домашней рубашке, зажмурится и замрет, ожидая реакции.

Не удержалась. На счету телефона еще около доллара, так что вполне можно позволить себе отправить эсмэску: «Димка, я просто хочу сказать, что очень-очень тебя люблю! Очень!»

Ответа она не ждала. Но спустя минуту телефон запиликал входящим вызовом. Димка, и так всегда нетерпеливо глотающий слова, в этот раз был особенно возбужден:

- Надюш, ты представляешь! Я едва с докладом успел закончить, как мне сразу контракт с Intel предложили! И настоящую корпоративную стипендию на все время учебы в аспирантуре! И еще какой-то японец визитку вручил, просил обязательно с ним связаться. Ты представляешь?
- Вот дурачок! Я же всегда говорила, что ты гений!
- Надюш, я чего звоню-то... А ты выйдешь за меня?

